

Насилие и политическая бюрократия: конспект проблематики

Макаренко В. П.,

доктор философских и политических наук, профессор,
главный научный сотрудник Центра политической концептологии,
Институт философии и социально-политических наук
Южного федерального университета,
vpmakar1985@gmail.com

Аннотация: В статье излагается фрагмент концепции, разрабатываемой автором в последние годы [Макаренко В. П., 2018]. Обсуждаются проблемы освобождения ума и совести от наследства советской эпохи, реанимация обскурантизма в России на фоне противоположности между культурой и государством, основные характеристики XX в. и константы русской истории, ветхозаветный концепт священной войны, трансформация войны в христианстве, русский и советский государственный разум, цивилизаторская диктатура империи в прошлом и настоящем, эволюция правительственной философии к системе тотальной лжи, современные формы ее воплощения (включая коллаборационизм), влияние указанных факторов на функционирование власти в стране.

Ключевые слова: насилие, политическая бюрократия, власть, российские идеологемы.

В современной России обострилась проблема освобождения населения от сюжетов, языка и шаблонов советской идеологии и постсоветской пропаганды. Разгадать историческую и политическую ложь возможно при стремлении каждого жителя страны реализовать независимость от внешних условий, прежде всего от потоков ежедневной лжи. Большинство населения России пока не ставит перед собой такой задачи, но она начинает осознаваться даже школьниками¹. Между тем самостоятельность мышления и поведения невозможна без выработки непреклонной воли. Поэтому необходимо построить мост между художественной практикой А. Солженицына (но не его миром идей) и современной политической философией, которая изучает отношения между силой, насилием, волей и свободой. Это необходимо для опровержения стереотипа об извечной противоположности между европейским и русским пониманием воли и свободы.

На протяжении XX в. в России был воплощен синтез военно-революционных методов управления обществом с господством политической бюрократии. Это породило массовую смертность населения. Произошло преобразование мирного способа рассуждения на мышление в категориях насилия. Совесть как главный критерий оценки человеческого поведения была исключена (или маргинализована) из сферы

---

¹ «Если смотреть ТВ, можно пропустить все самое интересное в жизни...». Размышления белгородских школьников // Дружба народов. 2018. № 5. С. 229–248.

человеческих отношений. Государственное насилие породило примат и эстетизацию борьбы, которая вышла за пределы морали и честного соперничества. В результате массовый индивид стал потенциальным преступником или машиной для убийства. Культивирование такого преобразования стало особым направлением воспитания и пропаганды, которые выводят преступников за пределы всех видов ответственности, перечисленных К. Ясперсом сразу после Второй мировой войны.

Этот процесс был подготовлен мировыми религиями. Большинство государств использовало священные писания для укрепления своих идеологий. Идеологическая определенность порождает фанатизм, войну и революцию. На протяжении столетий Библия как «Божье слово» оправдывала множество войн. В Библии провозглашается универсальный монотеизм. Он переплелся с традиционной военной идеологией, которая базируется на связи сакрального и войны. Универсальный милитаризм выражает престиж до сих пор не отвергнутой военной силы. В традиционных религиях война считается частью человеческой природы, которую искоренить невозможно. Этот шаблон мысли и поведения существует до настоящего времени.

По мере контакта с государственной властью все религии рано или поздно начинают способствовать войне и другим формам насилия. Например, в христианстве связь мученичества с военным убийством образует основу концепта священной войны. Отсюда вытекает ложь всех военных идеологий и систем «военного права», выработанных на протяжении столетий [Армстронг К., 2021]. Борьба религий и церквей за воплощение добра оказалась иллюзорной. Война есть разновидность реализуемых до сих пор утопий, коллективных патологий и психозов. В иудаизме и христианстве возникла идея оправдания войны. Иудаизм и христианство снимают ответственность с инициаторов и исполнителей войны.

Предпосылки фанатизма сложились в Библии. В Ветхом Завете сформулированы правила войны, регламентировано отношение к захваченным территориям (более жестокое к населению близких территорий), высказана идея универсальности войны (в которой Бог выступает инициатором наиболее жестоких сражений) и асимметрии справедливых и несправедливых войн в пользу первых. Классическая, духовная, теологически-литературная и апокалиптическая интерпретация Библии квалифицируют войну как всеобщий феномен, средство поддержки богоизбранного народа и наказания за вероотступничество. Библия укрепляла воинственность христианства. Согласно ее рекомендациям, мир установят победители после окончательной победы богоизбранного народа. В Библии сформулирована также антиисторическая ретроспективная идея священной войны для использования в пространственно-временных обстоятельствах и идея переплетения эсхатологии и священной войны. Каждая эпоха использовала в Библии только то, что укрепляло ее идеологию. На протяжении столетий Библия оправдывала множество войн. По причине универсального монотеизма ответственность Библии больше ответственности священных писаний других религий. Поэтому в современной науке осознана необходимость полного отказа от использования Библии.

Подобно текстам других религий, Библия обосновывает традиционную идеологию войны. Все религии порождают универсальный милитаризм, способствуя внутреннему миру и внешним войнам одновременно. Представление о связи Бога с народом, идеи престижа военной силы и аморальности большинства человеческих действий впервые

идеологически оформлены в иудаизме. В индуизме первоначально сформулирована идея о необходимости духовного отрыва от насилия. Однако по мере контакта с государственной властью все религии способствуют войне.

В современном обществе переплелись религиозный праздник и война, ибо в обоих случаях отменяется запрет кровосмешательства и убийства. Война стала клапаном безопасности и заняла место религиозного праздника. Возникает проблема отбрасывания всех (религиозных и светских) попыток придать войне законное и легитимное обоснование по причине ложности всех военных идеологий и систем военного права. Идея справедливого Бога в иудаизме и христианстве оправдывает войну, снимая ответственность с инициаторов и исполнителей войны и соединяя силу и право.

Христианский концепт духовной борьбы стимулировал внутренние религиозные войны с инаковерующими, которым приписывался статус «еретиков». Эти войны были исключительно жестокими и стали предпосылкой гражданских войн. Становление толерантности — это воспроизводство догмата Св. Павла (о несправедливости восстаний против власти) внутри государств и одновременная стимуляция межгосударственных войн. Толерантность во внешней политике означает секуляризацию и восхваление войны как средства решения споров. Становление современных государств связано с упрощением религиозной веры и унаследованием государством прерогативы священной войны. Война христианства с исламом есть возврат к идее крестовых походов. Произвольно толкуемая материальная несправедливость — главный повод справедливой войны. Война — это клапан безопасности государственной машины. Становление регулярных армий и создание корпуса армейских священников отражают эту тенденцию. В XIX в. церковь связала свою судьбу с идеологией контрреволюции, а нация приобрела атрибуты Бога. Колонизация способствовала тесному сотрудничеству армии и церкви в насаждении христианства.

Сравнительно-исторический подход к империям включает анализ следующих крупных проблем: когнитивно-политические ловушки исследования империй и квалификация империй как безжалостного механизма эксплуатации природных и человеческих ресурсов; квалификация имперского государственного управления как предпосылки успеха и поражения империй одновременно; описание империй как основы и стимула для становления и развития национализма, подрывающего их существование; изучение взаимодействия в империях политических технологий и доморощенных идеологий; описание процедур выбора политических стратегий и решения проблем внутренней политики в контексте периода распада империй как следствия исторически накопленной несвободы, не позволяющей найти адекватный ответ на множество вызовов современности. Каждая из этих проблем может дробиться на подпроблемы.

Но общие проблемы останутся тем более актуальными, чем более в политическом и научном пространстве будет пропагандироваться идеология «особого пути» России. Анализ государственных интересов России в контексте осmano-российской компаративистики позволяет рассматривать множество поставленных проблем как повестку дня публичной дискуссии, которая необходима для изменения ситуации в современной России.

В настоящее время в мировом научном и политическом сообществе обсуждается правомерность присоединения Крыма к России. Высказываются противоположные точки

зрения. При их оценке можно исходить из доказанной посылки: к истории присоединения Крыма и Кавказа к России применима идеология цивилизационной миссии Москвы и доктрина *terra nullius*, которые в процессе присоединения выступали в обрамлении «еврейской угрозы» и антисемитских убеждений, пропагандируемых популярными печатными изданиями. Историки показали, что русское общество начало заражаться вирусом империализма после завоевания Россией Крыма. Россия покорила Крым по стратегическим соображениям, ради воплощения в жизнь «южного проекта» и связанных с ним множества будущих войн.

Бездарность входит в состав мысли и действия политической бюрократии (наряду с эпигонством, макиавеллизмом, эмпиризмом, волюнтаризмом, прагматизмом и интеллигентским самомнением). После 1985 г. по настоящее время власть СССР/России последовательно превращала в карикатуры либерализм, демократию, консерватизм, евразийство, патриотизм и любые другие ценности, которые она же официально провозглашала. Проблема сводится к выявлению и описанию бездарности в деятельности всех лиц, когда-либо подвизавшихся на отечественной политической арене. Однако в мемуарной и научной литературе пока преобладает тренд выяснения сравнительных достоинств больших и малых политических бездарей. Причина в том, что Россия до сих пор не преодолела персонализацию политических режимов. Значит, приоритет закона над властвующими индивидами до сих пор не обеспечен. Поэтому критерий бездарности можно предъявить в отношении всех политических решений, принятых руководством СССР/России на протяжении всего времени существования советской/постсоветской власти. Для этого надо выявить и систематически описать все альтернативы, которые выдвигались при принятии данных решений, и оценить сравнительные достоинства данных альтернатив с учетом тех кровавых и бессмысленных последствий, к которым реально привели принятые решения.

Сталинское насилие вытекало из христианской телеологии спасения. Унифицирующие реформы породили сепаратизм, который предполагалось с их помощью преодолеть. Центральная власть СССР создала условия для воспроизводства межэтнических противоречий. В истории России нации могли конституироваться лишь через отрицание существующего порядка. По мере завоевания Кавказа методы колонизации стали центральным элементом цивилизаторской миссии.

Правительство России инспирировало и узаконило ущемление мусульман, но представило его как дело рук армянских националистов. Одновременно оно учитывало стремления мусульман к равноправию лишь в той мере, в которой его можно было использовать против армян. Поэтому консенсус населения многонациональной империи с правительством был исключен.

В годы революции и гражданской войны все основные политические силы пытались превратить погромы в межнациональные войны. Русские на Кавказе поддерживали власть Советов и сохранение империи одновременно. Диктаторские тенденции революции на Кавказе опережали аналогичный процесс в столице. Новые властители на Кавказе оказались социал-шовинистами, оккупантами и насильниками, первым воплощением которых стала Бакинская коммуна. Русская и советская власть на Кавказе отличалась политическим двоедушием.

Право народов на самоопределение на Кавказе реализовывалось в виде этнических чисток. Институционализация этнического начала коренилась в стратегическом мышлении революционеров и в выводах из гражданской войны. Русские коммунисты усилили колониальную практику своих предшественников. В результате местное население воспринимало новый режим прежде всего как «русский», а не социалистический. Большевики воспроизвели взгляды царской бюрократии, которая считала современным то, что укладывалось в понятия «христианский» и «европейский» модерн.

Большевики рассматривали национализацию («коренизацию») управленческого аппарата и этнизацию политики как необходимый инструмент курса на выравнивание уровня экономического развития и средство преодоления недоверия со стороны инородцев. СССР символизировал признание советской властью нации как организационного принципа империи. На деле русская революция привела к победе традиции, обернувшись триумфом варварства, прорвавшего тонкий покров европейской цивилизации в России и на ее периферии. Советское государство усилило все формы имперского и этнического господства, а его государственный аппарат подливал масло в огонь междоусобиц.

Таким образом, все процессы, протекающие на современном Кавказе, могут рассматриваться с точки зрения подтверждения (или опровержения) указанных выводов. Для этого необходимы конкретно-социологические исследования, свободные от советских имперских и националистических шаблонов: «Советский Союз был варварским государством. И люди в нем тоже были варварами, тем более на исламской периферии. Поэтому нового человека приходилось создавать из ничего... В центре внимания историков должно оказаться то, что в историографии о сталинизме до сих пор практически не попадало в поле зрения исследователей: отношение человека к религии, противоположному полу, моде и праву. Ибо именно здесь кроется ключ к пониманию сталинизма. Насилие как печать сталинистского террора коренилось в конфликте непонятых миров» [Баберовски Й., 2010, с. 565].

Анализ влияния советского варварства в виде множества конфликтов между «непонятыми мирами» на современные социально-политические процессы в России остается открытым. Исследование Й. Баберовски дает материал для дискуссии о социальном контексте сталинизма. В ней можно обсудить главный вывод автора: сталинизм родился на периферии; он вырос из конфронтации, нацеленной на достижение единообразия и однозначности идеологии с убожеством условий жизни и культурно-бытовой разнокалиберностью этносов в многонациональной империи. «Характерной чертой этого стиля было то, что он черпал заимствования из культурного контекста, который сам же стремился разрушить. Очевидно, что феномен сталинизма можно понять только в его имперском измерении» [Баберовски Й., 2010, с. 517].

Политическая бездарность постсоветского руководства России выражается в том, что оно ничего не сделало для исключения насилия из политической практики и теории. Поэтому требуется детальное изучение постсоветской практики насилия.

Распады империй надо изучать по количеству пролитой крови и роли военно-карательных структур в сохранении центрo-периферийных отношений. При этом важно учитывать меру покорности имперских диаспор в постимперских государствах. Лозунги

их защиты и неприкосновенности границ могут быть элементами политической манипуляции имперскими диаспорами со стороны прежней центральной власти. Предприятия ВПК могут стать предпосылкой воспроизводства прежних имперских структур под прикрытием этнических идеологов. Эти структуры и идеологемы блокируют сознательный и независимый от власти политический выбор индивидов.

Воспроизводство имперской идентичности обусловлено также космополитизмом культуры, выраженной на одном имперском языке, в котором сливаются государство и ментальность. На этой почве среди колонистов могут развиваться различные формы ностальгии по имперскому порядку. Риторика ностальгии нуждается в детальном изучении с учетом региональных особенностей «риторики реакции», которая мешает адекватно воспринимать распад империй как норму политического бытия современности.

Анализ отличий и сходств процессов распада империй необходим для описания данной нормы. При этом важно учитывать соотношение военных и мирных состояний периодов распада, а также уровень экономического развития страны и материального благосостояния населения. В любом случае процессы распада империй можно воспринимать не только как трагедию, но и как комедию, для описания которой можно использовать язык и образы Я. Гашека и других сатириков. В состав этой современной и далеко не божественной комедии входит анализ проблем государственной политики в соотношении с проблемами физического и нравственного выживания населения в результате распада империй.

Тождество имперского бытия и демократии выражается в политическом цинизме, пустословии, маскировке коррупции, неравенства, нищеты и преступности. Победа в войне способствует дезориентации массового сознания и сознания элит. По этому критерию могут устанавливаться пропорции сходства и различия процессов распада империй, в том числе соотношения в них имперских и национальных стереотипов поведения и мышления. В целом распады империй являются формами проявления типичных постимперских кризисов в сфере экономики и политики, которые могут породить парадоксы политического бытия.

В периоды распада империй надо учитывать противоречие между имперской знатью и националистической интеллигенцией. Власть знати воспроизводит власть политических монополий, опирающихся на ВПК. Националистическая интеллигенция может господствовать в центрах образования и культуры. Это противоречие блокирует условия для развития современной капиталистической экономики. В настоящее время в России существуют обе тенденции, которые определяют различия сценариев развития будущего. Наибольшей угрозой России является симбиоз постсоветской политической бюрократии с мировым капитализмом. Он объясняется географическими и историческими причинами, типичными для периодов распада других империй. Российская империя/СССР всегда стремились избежать честного соревнования с другими государствами при помощи силового или политического воздействия. Царская и советская Россия не смогли выиграть экономическую конкуренцию с европейскими державами. Та и другая устанавливали прямой политический контроль над соседними регионами и рынками для компенсации экономической слабости. Такова причина войн на постсоветской территории, а также лансирования в России имперских претензий

евразийской идеологии. С этой точки зрения устарелость идеи империи еще не означает ее физической смерти. Имперские институты продолжают существовать, а образующие их люди благополучно здравствуют.

Для выработки критического отношения к сложившейся ситуации необходимо развитие независимой мысли в конфронтации с правительственной философией и духовным режимом России. А. Койре зафиксировал феномен равнодушия к истине в процессе исследования внутреннего противоречия «правительственной философии» в России начала XIX в. Политические аспекты данного противоречия определялись заменой политики международной реакции на политику внутренней реакции в России. Конкретные проявления указанной риторики изучены Койре в составе различных вариантов «правительственной философии» (Голицына, Магницкого, Рунича и т. п.). Все они являются региональными вариантами универсального тренда риторики реакции, которая существует до настоящего времени. Правительственная философия всегда имеет антропологическое измерение.

Например, всем известна фигура К. П. Победоносцева — одной из ярких фигур реакционного направления социально-философской мысли в России, который был «...всегда готов содействовать обращению неуважаемого им человека в уважаемый труп» [Амфитеатров А., 1996, с. 327]. Однако его личные качества противоположны антропологическим качествам И. С. Аксакова: «Грубая фигура Ивана Аксакова сильно исчернена реакционными пятнами, но это был, даже и в реакции, человек честный, не доносчик, не холоп, не выгодчик, не сыщик, не «чего изволите» барского крыльца, а, главное, не подьячий и не опричник» [Амфитеатров А., 1996, с. 325].

Проблема в том, что указанные антропологические качества связывают реакционное и революционное направление российской мысли XIX и XX вв. Например, В. Т. Шаламов в конце 1920-х гг. (и в начале своего первого тюремного срока) выработал для себя кодекс поведения, который был присущ всем русским революционерам и в состав которого входили те же свойства, которые А. Амфитеатров зафиксировал у И. С. Аксакова и которые начисто отсутствовали у Победоносцева².

Требуется сопоставление указанных качеств с особенностями характера и поведения лиц, участвующих во всех направлениях политической мысли и практики, а также причастных к выработке политики в области религии, философии, морали и образования на протяжении X–XX вв. Речь идет о выявлении антропологических пропорций в различных направлениях экономической, социальной и политической мысли и практики, от реакционной до прогрессивной. Такая работа уже идет под общей

---

² «Я установил для себя несколько обязательных правил поведения. Прежде всего: я не должен ничего просить у начальства и работать на той работе, на какую меня поставят, если эта работа достаточно чиста морально. Я не должен искать ничьей помощи — ни материальной, ни нравственной. Я не должен быть доносчиком, стукачом. Я должен быть правдив — в тех случаях, когда правда, а не ложь идет на пользу другому человеку. Я должен быть одинаков со всеми — высшими и низшими. И личное знакомство с начальником не должно быть для меня дороже знакомства с последним доходягой. Я не должен ничего и никого не бояться... Я никого не прошу мне верить, и сам не верю никому. В остальном — полагаться на собственную интуицию, на совесть. Так я начал жить в лагере, все время думая о том, что я здесь — от имени тех людей, которые посланы сейчас в тюрьмы, ссылки, лагеря. Но это я должен только думать про себя, помнить, что каждый мой поступок и друзьями, и врагами будет оценен именно с этой, политической, стороны. Быть революционером — значит прежде всего быть честным человеком. Просто, но как трудно» [Шаламов В. Т., 1998, с. 182–183].

рубрикой «антропологического поворота». Однако в этом «повороте» проблема соотношения политической истины и лжи не рассматривается как базисная для формулировки универсального критерия политической истины в конкурирующих проектах любой правительственной политики.

На протяжении XX в. шли споры об истоках ленинизма. Почва для них была подготовлена самим Лениным, который провозгласил себя верным и строгим последователем Маркса. Н. А. Бердяев считал русский коммунизм Ленина трансформацией и деформацией старой русской мессианской идеи. «В этом споре двух крайностей, — пишет А. Хиршман, — каждая из которых указывает на влияния из прошлого, была полностью упущена третья альтернатива: Ленин, долгие годы проживший и в других местах Западной Европы, мог находиться под сильным влиянием современной ему европейской атмосферы, пропитанной ядовитой нутряной враждебностью к демократии. На эту атмосферу, выражение которой можно найти в трудах Парето, Сореля и многих других, нередко возлагалась ответственность за возвышение фашизма. На мой взгляд, данная альтернатива заслуживает куда больше доверия» [Хиршман А., 2010, с. 160].

Я думаю, что проработка различных аспектов еврославянской причины «ядовитой нутряной враждебности к демократии» поможет более конкретно описать официальных философов тоталитарных режимов. При этом можно использовать типологию социальных фигур для изучения манипулятивных отношений в современном обществе, снимающих противоположность истины и успеха [Макинтайр А., 2000]. В этом случае академическая теория истины вынуждена вступить в битву с концептом успеха — одним из популярных продуктов современного массового общества. Битву придется вести без особой надежды на победу, поскольку прагматистская концепция истины связывает духовный режим с правительственной философией.

Надо учитывать воспроизводство стереотипов официальной правительственной философии в нормативных антропологических образцах. Например, образец советского (русского, тоталитарного) человека включает представления об исключительности, особости, превосходстве или несопоставимости его с другими народами; его «принадлежности» государству (ожидание «отеческой заботы от начальства» и контроля над собой, принятие произвола властей как должного); уравнивательные антиэлитарные установки; соединение превосходства с ущемленностью (комплекс неполноценности). Все это пропагандируется нынешними СМИ и прямо или косвенно связано с воспроизводством универсальных и локальных трендов реакционной риторики [Гудков Л., 2016, с. 30].

Война — главный элемент социального контекста лжи. Общая проблема контекста изучается в трудах по социальной и культурно-исторической эпистемологии, но война как социальный контекст лжи в данных работах не рассматривается. С другой стороны, в литературе, посвященной анализу современной войны как социального явления, место и роль лжи в процессе выработки и осуществления военных операций тоже не описывается. В результате любой исход военных действий можно представить как успех [Арон Р., 2000]. Надо учитывать, что на протяжении существования СССР и современной России войны были постоянным фактором социальной жизни, и сегодня издаются книги о «неизвестных войнах». В результате секьюритизация пронизала всю сферу выработки

и проведения политики [Гольц А. М., 2004; Гольц А. М., 2005]. Появление информационных войск в России свидетельствует об институционализации всех факторов лжи [Интерфакс, 2017].

Теория насилия Х. Арендт может рассматриваться как развитие идеи о совпадении лжи и насилия, первоначально сформулированной в ее эссе «Истина и политика». Сверхзадача Ханны Арендт — создание такой концепции политического таланта, которая предполагает оперативное обнаружение новых тенденций в отношении между ложью, насилием и политикой и сопротивление им «здесь и сейчас».

К числу таких тенденций относится осознание парадокса, в котором выражен переворот в отношениях между властью и насилием. Анализ данного переворота включает критику идей и практики национальной независимости, государственного суверенитета, революции, прогресса и всех идеологий как практических воплощений культа насилия и всеобщей государственной рутины. При этом освоение опыта сопротивления довоенного и послевоенного поколений данным тенденциям приобретает ключевое значение, поскольку в нем отразилось многообразное насилие государства над обществом в сфере международной и внутренней политики. Х. Арендт использует все результаты анализа для переосмысления традиционной связи между войной и политикой.

Для развития концепции Х. Арендт ее нужно дополнить анализом эмпирического материала, в котором содержатся секретные данные обо всех войнах, революциях и спецоперациях политической полиции в каждом конкретном государстве на протяжении второй половины XX века. СССР/Россия здесь могут служить одним из эталонов, поскольку роль институтов насилия в нашей стране была и остается высокой [Клямкин И. М., 2011, с. 261–306; Пастухов В. Б., 2011, с. 143–159].

На афганской войне произошло полное крушение веры в государство, оно стало предметом ненависти. Одновременно война превратилась в разновидность бизнеса. Приказы советского правительства соединяли ложь, насилие и бесчеловечное отношение к мирным жителям и собственным солдатам. Советская армия превратилась в машину, функционирующую на основе синтеза лжи и насилия. Поэтому все официальные версии событий и вытекающие из них информационные войны надо поставить под вопрос, поскольку они укрепляют деятельность этой машины [Алексиевич С. А., 2007; Алексиевич С. А., 2014].

После Второй мировой войны в СССР произошло *сращивание* официальной политической лжи с международной и военной политикой СССР. Война стала важным направлением государственных интересов, расходов, карьеры и заработка ведомств и лиц, причастных к ее проведению. Эти интересы сказались при распаде СССР, когда Москва стала закулисным участником переворотов и сепаратистских конфликтов и регулярно применяла для их «решения» рычаг тайных операций [Дерлугьян Г. М., 2010, с. 356–467]. Обретенный за рубежом опыт стал применяться внутри страны — в соответствии с теорией бумеранга, сформулированной Розой Люксембург и развитой Ханной Арендт [Люксембург Р., 1991].

Я предлагаю использовать выражение «нелегальная война» как концепт, удовлетворяющий критериям дискуссионности. Возникает возможность развить теорию Ханны Арендт за счет тематики, о которой она упоминает, но детально не анализирует. И. М. Клямкин осуществил первичную систематизацию, в которой фундаментальная

проблема взаимосвязи лжи, насилия и политической бездарности переводится на уровень анализа ежедневного процесса государственной политики и пропаганды России и сопротивления ей на всех участках, темах и направлениях. Это дает возможность связать общие теории войны и мира (включая концепцию Арендт) с проблемой адекватного описания каждой конкретной войны XX века и всех нелегальных войн СССР/России с выявлением меры официальной государственной лжи по поводу каждой из них в целом, а также в отношении наиболее важных событий войны.

Искушение заменить власть насилием стало всеобщим. Ханна Арендт выработала теоретические средства его описания. Насилие надо анализировать как самостоятельный анонимный феномен, воплощенный в институтах государства. Любая мотивировка бессловесного повиновения граждан существующей власти сомнительна с когнитивной и подозрительна с политической точки зрения. Любая ссылка представителей государственной власти на то, что ее поддерживает большинство, скрывает насильственный потенциал существующей власти. Всю сферу государства и политики надо тщательно проверить на предмет наличия (отсутствия) в них феноменов, способствующих отождествлению власти с насилием. Власть не сводится к ее любым институционализированным и огосударствленным формам. Требуется систематизация репрезентативных источников, которые позволяют обнаружить нетождественность власти и ее институционализированных и государственных форм в конкретных социально-исторических обстоятельствах.

Ханна Арендт создала один из важнейших теоретических источников, фиксирующих нетождественность власти и насилия. В его состав входят история, теория и практика европейских революций XVIII–XX вв., которые преобразовались в тоталитарное господство. Для выяснения модификаций данного господства требуется анализ феноменов и институтов внутреннего насилия, легитимности, оккупации и коллаборационизма. Повиновение власти не является ее поддержкой, а легитимного насилия не существует. Поэтому вся традиция Макса Вебера подлежит переоценке, а все надындивидуальные и вневременные (религиозные и светские) трактовки государственной власти, которые смешивают повиновение власти с поддержкой власти, надо отвергнуть. Бюрократия — это введение практики насилия в государство и политику. В итоге этого процесса возник универсальный феномен бессилия власти, который выражается в процессах социального и политического распада.

Надо применить к описанию СССР/России сухой остаток размышлений Арендт о бюрократии как воплощении насилия. Наша страна может служить эталоном по преобразованию явного насилия в постоянно действующий фактор внутренней войны правительства с населением на протяжении последних пятисот лет [Пивоваров Ю. С., 2014]. Проблема сводится к разработке программы конкретно-социологических и политологических исследований, базирующихся на идее взаимосвязи феноменов насилия и бессилия власти. Разработка данной программы может базироваться на конкретизации описанных общих положений с учетом анализа ситуации, сложившейся в современной России. Мне приятно, что предпосылки такой программы я сформулировал в своей книге о русской власти (еще не зная трудов Ханны Арендт), обосновав радикальное различие между силой и успехом власти.

В дополнение к теоретическим констатациям Ханны Арендт можно использовать исторический материал для суждения о коллаборационизме. Советская оккупация Восточной Польши, Бессарабии и Прибалтики в соответствии с договором между Сталиным и Гитлером стала подготовительным периодом нацистской оккупации [Piasecki S., 2003]³. Отсюда вытекает, что в оккупации население СССР вынуждено было делать выбор из двух видов зла. Специфика этого выбора определяет проблематику литературы, посвященной проблеме коллаборационизма. Обзор тем для дискуссии выглядит следующим образом.

Требуется систематизация преступлений советской власти против своего народа, которые были совершены до и во время советско-нацистской войны и способствовали коллаборационизму. Коллаборационизм — это средство борьбы между различными социальными и национальными группами, которая опирается на помощь оккупантов. Нацисты способствовали развитию партизанского движения на оккупированной территории. Выбор национальной идентичности в условиях войны опирается на утилитарные соображения. Немцы не оправдали надежд значительной части населения оккупированных территорий на освобождение от советской власти⁴.

Представители советского партийно-государственного и чекистского аппарата первыми бежали от немцев и первыми пошли служить немцам. Немецкая оккупация началась с «призыва коммунистов на царство». Возникло тождество между гражданской немецкой властью и НКВД.

Взаимоотношение между немцами и населением на протяжении фаз оккупации менялось от дружбы до вражды. Взаимозависимость между русскими и немецкими учреждениями колебалась под влиянием личных отношений. Немцы в массе оказались взяточниками. В число деталей оккупации входит положение местной промышленности, продовольствия, рынка, образования, медицины и церкви, а также специфические показатели благополучия жизни при оккупантах. Коммунисты при оккупации пострадали меньше остального населения.

Первые годы войны с Германией могут служить критерием для суждения о государственном инстинкте населения России. Именно тогда проявился в чистом виде русский политический и национальный инстинкт, который действовал в условиях полного отсутствия политической и общественной организации. Большинство народа осознало, что сталинское государство существует за счет грабежа народа, а также свое право вернуть себе награбленное государством.

Гражданская администрация была пестрой, поскольку население инстинктивно стремилось к созданию демократических органов власти. Демократическая тенденция переплеталась с социалистической, что выразилось в различных видах государственного творчества. В оккупации была сохранена суть советского строя. Это объясняется сходством нацизма и большевизма в управлении массами. Оккупационный государственный строй был приспособлен для военных нужд Германии и почти буквально повторял советскую власть.

---

³ Такой подход реализован и в книге «(Две) стороны: латышские военные рассказы. Вторая мировая война в солдатских дневниках», под ред. Виты Зелчи и Улдиса Нейбургса. Рига, Mansards, 2013 и др.

⁴ Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / Составитель К. М. Александров. — СПб.: Скрипториум, 2011. — 608 с.

Во время оккупации возник стихийный религиозный подъем, который выразился в синтезе народной религиозности с политической мыслью и действием. Этот синтез был направлен одновременно против советской и нацистской власти. Проблема смещается к систематизации концепций, обосновывающих данный синтез.

Литература

1. Алексиевич С. А. Время секунд хэнд. — М.: Время, 2014. — 512 с.
2. Алексиевич С. А. Цинковые мальчики. — М.: Время, 2017. — 320 с.
3. Амфитеатров А. Победоносцев как человек и как государственный деятель // К. П. Победоносцев: pro et contra / Вступ. ст., сост. и примеч. С. Л. Фирсова. — СПб.: РХГИ, 1996.
4. Армстронг К. Религия и история насилия / Пер с англ. Г. Г. Ястребов. — М.: Альпина нон-фикшн, 2021. — 538 с.
5. Арон Р. Мир и война между народами / Под общей ред. В. И. Даниленко. — М.: NOTA VENE, 2000. — 880 с.
6. Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. — М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. — 855 с.
7. Гольц А. М. Армия России: 11 потерянных лет. — М.: Захаров, 2004. — 224 с.
8. Гольц А. М. Российский милитаризм — препятствие модернизации страны. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005. — 56 с.
9. Гудков Л. Социология Юрия Левады // Ю. А Левада. Время перемен: предмет и позиция исследователя. — М.: НЛЮ, 2016.
10. Дерлугьян Г. М. Адепт Бурдье на Кавказе: эскизы к биографии в миросистемной перспективе / Авторизованный пер. с англ. — М.: Изд. дом «Территория будущего», 2010. — 560 с.
11. Интерфакс. В Минобороны РФ создали войска информационных операций. 2017. Электронный ресурс: <https://www.interfax.ru/russia/551054> (дата обращения: 27.02.2016).
12. Клямкин И. М. Демилитаризация как историческая и культурная проблема: доклад на семинаре «Куда ведет кризис культуры» в фонде «Либеральная миссия» // Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов. — М.: Новое изд-во, 2011. — С. 80–99.
13. Люксембург Р. О социализме и русской революции: Избранные статьи, речи, письма. — М.: Политиздат, 1991. — 398 с.
14. Макаренко В. П. Насилие и политическая бюрократия. — Ростов-на-Дону — Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018. — 312 с.
15. Макинтайр А. После добродетели: исследования теории морали / Пер. с англ. В. В. Целищева. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. — 384 с.
16. Пастухов В. Б. Предчувствие гражданской войны. От «номенклатуры» к «клептократуре»: взлет и падение «внутреннего государства» в современной России // Полис. — 2011. № 6. — С. 143–159.

17. Пивоваров Ю. С. Русское настоящее и советское прошлое. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. — 336 с.
18. Хиршман А. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность / Пер. с англ. Д. А. Узланера. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 208 с.
19. Шаламов В. Т. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. — М.: Худож. лит. Вагриус, 1998. — 494 с.
20. Piasecki S. Zapiski oficera Armii Czerwonej (od 17 wrzesnia 1939 r.). Warszawa: Wyd. LTW, 2003.

References

1. Aleksievich S. A. *Cinkovye mal'chiki* [Boys in zinc]. Moscow: Vremya, 2007. 329 p. (In Russian.)
2. Aleksievich S. A. *Vremya sekond khend* [Secondhand time]. Moscow: Vremya, 2014. 512 p. (In Russian.)
3. Amfiteatrov A. “Pobedonoscev kak chelovek i kak gosudarstvennyy deyatel” [Pobedonostsev as a person and as a statesman], in: *K. P. Pobedonostsev: pro et contra* / Intr., comp. by S. L. Firsov. St. Petersburg: RKHGI, 1996. (In Russian.)
4. Armstrong K. *Religiya i istoriya nasiliya* [Religion and the history of violence], trans. by G. G. Yastrebov. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2021. 538 p. (In Russian.)
5. Aron R. *Mir i vojna mezhdru narodami* [Peace and war between people], ed. by V. I. Danilenko. Moscow: NOTA BENE, 2000. 880 p. (In Russian.)
6. Baberovski Y. *Vrag est' vezde. Stalinizm na Kavkaze* [The enemy is everywhere. Stalinism in the Caucasus]. Moscow: ROSSPEN: Fond “Prezidentskiy centr B. N. El'tsina”, 2010. 855 p. (In Russian.)
7. Derlugyan G. M. *Adept Burd'e na Kavkaze: eskizy k biografii v mirosistemnoy perspektive* [Adept Bourdieu in the Caucasus. Sketches for the Biography in the World-System Perspective], authorized trans. from English. Moscow: ‘Territoriya budushchego’ Publishing House, 2010. 560 p. (In Russian.)
8. Golts A. M. *Armiya Rossii: 11 poteryannykh let* [Army of Russia: 11 lost years]. Moscow: Zakharov, 2004. 224 p. (In Russian.)
9. Golts A. M. *Rossiyskiy militarizm — prepyatstvie modernizacii strany* [Russian militarism is an obstacle to the modernization of the country]. Moscow: ‘Liberal'naya missiya’ Fund, 2005. 56 p. (In Russian.)
10. Gudkov L. “Sociologiya Yuriya Levady” [Sociology of Yuri Levada], in: Yu. A. Levada. *Vremya peremen: predmet i poziciya issledovatelya* [Time of change: subject and position of the researcher]. Moscow: NLO, 2016. (In Russian.)
11. Hirschman A. *Ritorika reakcii: izvrashchenie, tshchetnost', opasnost'* [Rhetoric of reaction: perversion, futility, danger], trans. by D. A. Uzlanera. Moscow: Publishing House of the State University — Higher School of Economics, 2010. 208 p. (In Russian.)
12. Interfax. *V Minoborony RF sozdali voyska informacionnykh operaciy* [The Ministry of Defense of the Russian Federation created troops of information operations], 2017. URL: <https://www.interfax.ru/russia/551054>, accessed on 27.02.2016]. (In Russian.)

13. Klyamkin I. M. “Demilitarizaciya kak istoricheskaya i kul'turnaya problema: doklad na seminare «Kuda vedet krizis kul'tury» v fonde «Liberal'naya missiya»” [Demilitarization as a Historical and Cultural Problem: Report at the Seminar “Where Does the Crisis of Culture Lead” at the Liberal Mission Foundation], in: *Kuda vedet krizis kul'tury? Opyt mezhdisciplinarnykh dialogov* [Where does the Crisis of Culture Lead? Experience of interdisciplinary dialogues]. Moscow: Novoe izd-vo, 2011. Pp. 80–99. (In Russian.)
14. Luxemburg R. *O socializme i russkoy revolyucii: Izbrannye stat'i, rechi, pis'ma* [On socialism and the Russian revolution: Selected articles, speeches, letters]. Moscow: Politizdat, 1991. 398 p. (In Russian.)
15. MacIntyre A. *Posle dobrodeteli: issledovaniya teorii morali* [After Virtue: Studies in Moral Theory], trans. by V. V. Tselishcheva. Moscow: Akademicheskii proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2000. 384 p. (In Russian.)
16. Makarenko V. P. *Nasilie i politicheskaya byurokratiya* [Violence and political bureaucracy]. Rostov-on-Don — Taganrog: Southern Federal University Press, 2018. 312 p. (In Russian.)
17. Pastukhov V. B. *Predchuvstvie grazhdanskoy voyny. Ot «nomenklatury» k «kleptokrature»: vzlet i padenie «vnutrennego gosudarstva» v sovremennoy Rossii* [Premonition of civil war. From ‘nomenclature’ to ‘kleptocracy’: the rise and fall of the ‘internal state’ in modern Russia]. Polis, 2011, no. 6. Pp. 143–159. (In Russian.)
18. Piasecki S. *Zapiski oficera Armii Czerwonej (od 17 wrzesnia 1939 r.)*. Warszawa: Wyd. LTW, 2003.
19. Pivovarov Yu. S. *Russkoe nastoyashchee i sovetskoe proshloe* [Russian present and Soviet past]. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, University Book, 2014. 336 p. (In Russian.)
20. Shalamov V. T. *Sobranie sochineniy* [Collected works in 4 vol.] Vol. 4. Moscow: Vagrius khudozh. lit., 1998. 494 p. (In Russian.)

Violence and political bureaucracy: a summary of concerns

Makarenko V. P.,

Doctor of Philosophy and Political Sciences, Professor,
Chief Researcher, Center for Political Conceptology,
Institute of Philosophy, Social and Political Sciences
Southern Federal University,
vpmakar1985@gmail.com

Abstract: The article presents a fragment of the concept developed by the author in recent years [Makarenko V. P., 2018]. It discusses the problems of liberation of mind and conscience from the legacy of the Soviet era, the resuscitation of obscurantism in Russia against the background of the contrast between culture and the state along with the main characteristics of the twentieth century and constants of Russian history. The author also reviews the Old Testament concept of holy war, transformation of war in Christianity, Russian and Soviet state mind, the civilizing dictatorship of the empire in the past and present, the evolution of government philosophy to a system of total lies, modern forms of its embodiment, including collaborationism, and the influence of these factors on the functioning of power in the country.

Keywords: violence, political bureaucracy, power, Russian ideologemes.